



«серьезная» художественная проза и тривиальная развлекательная популярная беллетристика. Массовая литература 20–30-х в США разнообразна: научная фантастика⁹ («Космический жаворонок» (1928) Э. Смита и др.), любовный исторический роман («Унесенные ветром» (1939) М. Митчелл), такое специфически американское поначалу явление, как так называемый «крутой детектив» (Д. Хемметт, Р. Чандлер, Р. Стаут и др.), который оформляется и бурно расцветает именно в эти годы. Развиваясь и по сей день, он обнаруживает способность проникать в другие жанровые разновидности романа. Так, отдельные параметры «крутого детектива» просматриваются в романе М. Пьюзо «Крестный отец». Мир «крутого детектива» – это «мир гангстеров, мошенников, коррумпированных политиков и бизнесменов, содержателей притонов <...>. Это мир, где царит насилие и жестокость, совершаются грязные сделки, свистят пули, пускаются в ход ножи и каскеты»¹⁰.

После Второй мировой войны в «обществе равных потребителей», какими стали США в 1950-е, происходит пышный расцвет массовой беллетристики, и на первый план выходит ее гедонистическая функция. «Серьезная» же неконформистская литература находится по отношению к ней в явной оппозиции. К концу 60-х, напротив, наблюдается своеобразное сближение обеих линий американской словесности. С ростом образовательного уровня среднего читателя повышается качество массовой беллетристики в целом. Сохраняя свои типологические особенности, она, тем не менее, начинает присматриваться к внутреннему миру человека, обращать большее внимание на художественную фактуру произведений. «Серьезная» же литература, уставшая за

полвека от собственной идейной и эстетической «перегруженности», вновь, как когда-то, делает шаги навстречу широкой читательской аудитории. Впоследствии массовобеллетристические приемы будут эффектно обыгрываться и пародироваться писателями-постмодернистами, а к концу столетия окажутся интегрированными единой «постиндустриальной литературой».

Примечания

- 1 См.: *Bradbury M., Ruland R. From Puritanism to Postmodernism. N.Y., 1992.*
- 2 «Повествование с индейцами», – так определяет жанр вестерна американский исследователь Л. Фидлер (см.: *Fiedler L.A. The Return of the Vanishing American. N.Y., 1968.*) (Перевод здесь и далее наш. – *E.C.*)
- 3 См.: *Dorson R.M. America in Legend Folklore from the Colonial Period to the Present. N.Y., 1973.*
- 4 Цит. по: *Early American Reader / Ed. by L. Lemay. Washington, D.C., 1995. P. 354.*
- 5 Цит. по: *The Harper American Literature / Ed. by D. McQuade. N.Y., 1994. Vol. 1. P. 2037.*
- 6 См., напр.: *Bradbury M., Ruland R. From Puritanism to Postmodernism. N.Y., 1992.*
- 7 Цит. по: *Писатели США о литературе: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 123.*
- 8 Цит. по: *Bradbury M., Ruland R. From Puritanism to Postmodernism. N.Y., 1992. P. 295.*
- 9 Примечательно, что сам термин «science fiction» предложен американским писателем Х. Гернсбеком в 1920 (см.: *Приключения, фантастика, детектив: феномен беллетристики / Ред. Т.Г. Струкова, С.Н. Филюшкина. Воронеж, 1996. С. 127.*)
- 10 *Приключения, фантастика, детектив: феномен беллетристики / Ред. Т.Г. Струкова, С.Н. Филюшкина. Воронеж, 1996. С. 117.*

УДК 821.111(73).09-3181+929[Торо+Ирвинг+Готорн]

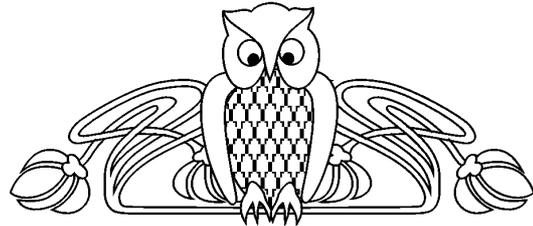
МОТИВ ЗЕМНОГО РАЯ В АМЕРИКАНСКОЙ ПРОЗЕ XIX ВЕКА (Генри Дэвид Торо, Вашингтон Ирвинг, Натаниэль Готорн)

А.А. Петрушина

Саратовский государственный университет,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: seecow@mail.ru

В данной статье рассматривается концепция Америки как земного рая в творчестве американских писателей XIX в. В качестве примера используются произведения таких авторов, как Генри Дэвид Торо, Вашингтон Ирвинг, Натаниэль Готорн. Краткая проза Ирвинга и Готорна сопоставляется с романом Торо «Уолден, или Жизнь в лесу». В ходе данного сравнения автор статьи приходит к выводу о схожести истолкования концепции земного рая у вышеупомянутых писателей.

Ключевые слова: концепция земного рая, американский рассказ XIX в., Торо, трансцендентализм, мировая душа.



«Earthly Paradise» in American XIX Century Prose (Thoreau, Irving, Hawthorne)

A.A. Petrushina

The article deals with the concept of America as earthly paradise in the texts by H.D. Thoreau, Washington Irving and Nathaniel Hawthorne. Short stories by Irving and Hawthorne are compared with Thoreau's novel «Walden: or, Life in the Woods», leading to conclusion about the similarities in interpreting the concept by the three authors.



Key words: «earthly paradise», American XIX-th century short story, Thoreau, transcendentalism, world soul.

Долгое время одной из ключевых тем американской прозы и поэзии была Америка как земной рай. С момента открытия континента люди воспринимали его как некое благословенное место, где осуществляются желания и где каждый человек имеет право на счастье. Эмигранты со всего света стремились в Америку в надежде обрести в ней обетованную землю. Такое восприятие недавно открытой страны поддерживалось рядом факторов, из которых первыми и главными стали религиозные догматы, занимающие тогда господствующее положение в жизни общества. Под влиянием Церкви сформировалась вера в появление расы Божьих избранников, которая обоснуется в отдельном уголке земного шара, далекого от мирских сует, и там будет вести по-настоящему добродетельную жизнь в пример остальным народам. Америка с ее девственной природой и отсутствием социальной иерархии как нельзя лучше соответствовала духовным исканиям религиозно-ориентированных индивидуумов той эпохи.

Вторым существенным фактором становятся многочисленные хвалебные отзывы путешественников, посетивших новый континент. Эти истории окончательно убедили людей в том, что Новый Свет – место безграничных возможностей для достижения искомого ими благополучия, как материального, так и духовного. «Американская лихорадка» охватывает европейцев, которые были недовольны положением дел на родине и полны решимости навсегда покинуть родные края с тем, чтобы заново построить жизнь на новом месте¹.

Америка того времени действительно визуально напоминала райский уголок, и здесь ключевым компонентом была природа. Местные флора и фауна существенно отличались от европейских; густые леса изобиловали дичью, а реки – рыбой, и повсюду, насколько хватало глаз, простирались удивительные по красоте пейзажи. Более того, в отличие от европейских стран, жить на лоне природы в Америке было делом естественным и даже необходимым ввиду топографических особенностей континента.

Нет ничего удивительного в том, что природа имеет исключительное значение для понимания специфики национального характера, и именно она оказала существенное влияние на его становление. В дальнейшем природа становится центром трансцендентального учения, которое приписывает ей божественное начало и мировую душу.

Особенности местного колорита в сочетании с религиозным духом населения и формируют в человеческом сознании представление об Америке как о земле избранных, рае на земле, обитателям которого дается надежда на вечное блаженство.

Мотив земного рая наиболее ярко проявляется в творчестве американских писателей XIX в.

Несмотря на жанровые различия произведений, основные концепции райского уголка остаются практически идентичными. Более того, отдельные фразы и предложения буквально повторяют друг друга, хотя, исходя из хронологии, их авторы никак не могли быть знакомы с работами друг друга. Мы подробно остановимся на параллелях между книгой Генри Дэвида Торо «Уолден» и краткой прозой писателей-романтиков Вашингтона Ирвинга и Натаниэля Готорна.

Начнем с «перекличек» между «Уолденом»² Торо и «Книгой эскизов» Ирвинга (точнее, одной из ее новелл – «Легенда о Сонной Лощине»³). Спорный момент данной параллели лежит во времени написания произведений: сборник новелл Ирвинга датируется 1819–1822 г., в то время как роман Торо увидел свет лишь в 1854 г. Нет никаких свидетельств, подтверждающих знакомство Торо с литературными работами Ирвинга. Тем не менее отдельные предложения «Легенды о Сонной Лощине» и «Уолдена» кажутся написанными одной и той же рукой.

Так, в самом начале своего рассказа «Легенда о Сонной Лощине»⁴ Ирвинг предлагает читателю идеальное, с точки зрения автора, место для жизни человека. Описание «райского уголка» заканчивается следующим образом: «И хотя с тех пор, как я бродил среди дремотных теней Сонной Лощины, миновало немало лет, я все еще спрашиваю себя, не произрастают ли в ее богоспасаемом лоне все те же деревья и те же семьи»⁵ (с. 41).

У Торо одна из глав также начинается со своеобразного панегирика природе американской глубинки и заканчивается похожими словами: «Кажется, что тот же зверобой растет на лугу из того же вечного корня»⁶ (с. 102).

Данные высказывания схожи по своей стилистике и концепции. Различаются только подходы авторов: у Ирвинга – более романтический и обобщающий (trees, sheltered bosom), в то время как Торо прибегает к точной констатации (johnswort, pasture). Тем не менее суть приведенных высказываний едина – оба автора говорят о своеобразном рае, который предлагает человеку окружающий его мир. Здесь необходимо отметить, что и у Торо, и у Ирвинга речь идет не о человечестве в целом, а непосредственно об уроженцах Новой Англии. Их врожденная любовь к природе не должна ослабевать с возрастом (как это случилось с персонажем «Легенды о Сонной Лощине» Икабодом Крейном). Ее необходимо сохранить и поддерживать в себе в качестве источника истинного счастья и естественных наслаждений, не боясь прослыть чудачком или бездельником (как это было в случае с Торо). Индивид, сберегший в себе такие юношеские чувства и идеалы, будет достоин наивысшего блаженства, которое только способен дать окружающий мир.

По мнению обоих писателей, главной составляющей рая на земле является природа. В качестве основных атрибутов «благословенного



уголка» приводятся леса и водоем (пруд у Торо, река у Ирвинга). Эти компоненты дают знающему человеку умиротворение и блаженный покой. Нужно уметь насладиться предлагаемой красотой, и дано это отнюдь не каждому. Ирвинг и Торо показывают, что для глухого к красоте человека такой рай – просто декорация, не приносящая ни морального, ни физического удовлетворения. Отсюда и возникает ирония образа Икабода Крейна – заезжего педагога в Сонной Лошине. Янки по происхождению, он все еще хранит в себе некое подобие любви к природе. Однако это светлое чувство в нем заметно деформировалось под влиянием прогресса и новых, материальных, ценностных ориентиров. Словно по велению предков, Икабод постоянно совершает ночные прогулки по лесу. Но его сознание уже безвозвратно утратило священную связь с природой, которую, по мнению Торо, должен испытывать каждый сын Новой Англии. Суеверный ужас ни на секунду не отпускает педагога, лишая его способности созерцать: «Как часто и с каким наслаждением, окончив после полудня занятия в школе, растягивался он на пышном ложе из клевера у берега маленького, журчащего около школьного здания ручейка и предавался здесь изучению старинных, полных ужасов повестей Мезера, пока сумерки не обволакивали печатную страницу непроницаемой сеткою мглы! И потом, когда он направлялся мимо болот, ручья и жуткого леса к дому того фермера, где на этот раз стоял на постое, всякий звук, всякий голос природы, раздававшийся в этот заколдованный час, смущал его разгоряченное воображение: стон козодоя, несущийся со склона холма, кваканье древесной лягушки, этой предвестницы ненастья и бури, заунывные крики совы или внезапный шорох потревоженной в чаще птицы. И даже светляки, которые ярче всего горят в наиболее темных местах, время от времени, когда на его пути внезапно вспыхивала особенно яркая точка, заставляли его останавливаться. И если какой-нибудь бестолковый жук задевал его в своем несуразном полете, бедняга готов был испустить дух от страха, считая, что он отмечен прикосновением колдуна <...> Какие только жуткие тени и образы не подстерегали его среди тусклого и призрачного освещения вьюжной ночи! Сколько раз останавливался он, полумертвый от страха, перед запорошенным снегом кустом, который, точно привидение в саване, преграждал ему путь! Сколько раз леденел он от ужаса, заслышав на мерзлом снегу свои собственные шаги и боясь оглянуться назад, чтобы не обнаружить у себя за спиной какое-нибудь чудовище, преследующее его по пятам! Сколько раз, наконец, порыв завывающего между деревьев ветра доводил его почти до потери сознания...» (с. 45–47).

Абсолютно иные ощущения от ночных прогулок испытывает и в некоторой степени даже пропагандирует Торо: «Когда я допоздна задерживался в поселке, было очень приятно выйти в

ночь, особенно в темную и непогожую, из светлой комнаты или клуба, вскинуть на плечо мешок с ржаной или кукурузной мукой и держать путь в свою надежную лесную гавань; я плотно задраивал люки и спускался в рубку со всем экипажем веселых и приятных мыслей, оставив у штурвала одну лишь свою телесную оболочку; а когда плавание предстояло нетрудное, то и вовсе покидал штурвал. И пока я так «плыл», мне было хорошо в каюте, наедине со своими мыслями. И ни разу я не терпел бедствия и не шел ко дну, хотя вынес немало бурь. Даже в обычную ночь в лесу темнее, чем думают многие <...> Заблудиться в лесу в любое время доставляет странное и незабываемое ощущение, к тому же поучительное» (с. 110–111).

По словам Торо, такие прогулки были не в новинку для обитателей Новой Англии. Ночной лес воспринимался «настоящим» янки отнюдь не как царство теней, а скорее как место, позволяющее отвлечься от будничных дум и способствующее более глубокому восприятию красот естественного мира.

Последним компонентом, необходимым для погружения в «природный рай», оба автора считают одиночество. В «Легенде» призыв писателя к одиночеству звучит в свойственной ему романтической форме: «Если я затоскую когда-нибудь об убежище, в котором я мог бы укрыться от мира и его суетности и прогрезить в тиши весь остаток своей беспокойной жизни, то мне не найти уголка более благословенного, чем эта маленькая лошина»⁷ (курсив наш. – А.П.) (с. 40).

В описаниях преимуществ одиночества Торо проявляет себя более категорично: «Общество, даже самое лучшее, скоро утомляет и отвлекает от серьезных дум <...> Ни с кем так не приятно общаться, как с одиночеством» (с. 89).

Оба писателя, каждый в своей манере, дают установку на некий идеальный, «естественный» образ жизни, оставляя за своим читателем право выбора.

Что же касается хронологического несоответствия, то мы можем предположить, что общие умонастроения Америки XIX в. не могли не сказаться на творчестве обоих авторов. Однако, помимо витающих в воздухе идей, сохранились документальные записи о том, что Торо придирчиво изучал творчество своих соотечественников. Принимая во внимание тот факт, что Ирвинг в то время уже был официально признан европейским читателем, существует большая вероятность, что Торо просто не мог оставить без внимания его произведение. Нельзя исключать и возможность того, что книги Ирвинга пришлось по душе утонченной натуре «поэта природы», а некоторые строчки «Уолдена» стали данью уважения и солидарности по отношению к своему соотечественнику. Кроме того, композиционная структура «Уолдена» отличается большим количеством скрытых цитат, обращающих читателя к поэтам, писателям и



философам различных стран и эпох. Вполне возможно, что приведенные нами параллели между произведениями есть скрытые цитаты, которые остались незамеченными как переводчиками, так и исследователями.

Таким образом, несмотря на разное время написания, оба произведения затрагивают актуальную для многих умов XIX в. проблему – нужно ли и как оберегать врожденную связь с природой. Торо отвечает на данный вопрос примером собственной жизни – пруд, лес, хижина. Ирвинг изображает противостояние карикатурного героя, чьи несурзные попытки воссоединиться с окружающей красотой вызывают лишь ироничную усмешку, «настоящему» янки, которое заканчивается полным разгромом первого. Стоит отметить, что подход обоих писателей к проблеме (добровольное уединение на лоне природы) был отнюдь не характерен для большинства их сограждан (пример отношения американцев к созерцателям прекрасного можно увидеть в новелле Ирвинга «Рип ван Винкль»), но эта концепция стала основополагающей для других американских писателей-романтиков XIX в.

Во время написания «Книги эскизов» Ирвинг мог только предощущать те идеи, которые начали детально обсуждаться лишь в 30-е – 40-е гг. XIX в., когда лидирующие позиции в интеллектуальной среде Новой Англии занял трансцендентализм. Его основоположником стал писатель, мыслитель и ученый Ральф Уолдо Эмерсон. Впоследствии к трансцендентальному кружку примкнули Генри Торо, Бронсон Олкотт, Уэллери Чаннинг, Маргарет Фуллер и другие выдающиеся умы Новой Англии. Одним из членов клуба числился и Натаниэль Готорн – один из известнейших писателей той эпохи. Именно его творчество (а точнее, некоторые его моменты) мы можем сопоставить с «Уолденом». Речь в данном случае идет об очерке Готорна, посвященном сале́мскому источнику, и главе «Пруды» у Торо. Так, Готорн воспекает «веселую и неутомимую струю воды, одинаково радостно утоляющую жажду богачей и бедняков»⁸. Писатель восхищается «этим неутомимым источником жизни, из которого черпали влагу индейские вожди и первые губернаторы колоний и который будет по-прежнему жить, когда истлеют в земле кости современников»⁹. Похожее отношение к воде Готорн выразит в одной из лучших своих новелл – «Дочь Рапачини»¹⁰ (1844).

«Струи воды, однако, по-прежнему взлетали в небо, весело переливаясь в ярких лучах солнца. Их нежное журчание доносилось до окна комнаты, и молодому человеку чудился в нем голос бессмертного духа, который поет свою бесконечную песнь, равнодушный к свершающимся вокруг него переменам, в то время как одно столетие заключает его в мрамор, а другое превращает эти тленные украшения в груды обломков»¹¹.

В описании одного из прудов Торо, словно перефразируя Готорна, говорит следующее: «Ве-

роятно, не одно племя пило из него, любовалось им, мерило его глубину и исчезало с лица земли, а его вода все так же зелена и прозрачна. Никогда не иссякал этот источник»¹² (с. 116).

Сходство приведенных выше цитат очевидно. Несмотря на то что данные произведения не пересекаются хронологически, объяснить эту параллель значительно легче, чем предыдущую. Оба писателя были хорошо знакомы по кружку трансценденталистов, а в записных книжках Готорна неоднократно упоминаются регулярные визиты в уолденскую хижину и беседы с её хозяином. В привычках Готорна и Торо также было много общего, взять хотя бы их страстную приверженность к одиночеству и любовь к родным краям. Нет никаких сомнений в том, что Торо был хорошо знаком с творчеством Готорна, а их долгие беседы на лоне природы свидетельствуют о родстве идей. Наряду с Ирвингом они считают водоём необходимым условием для достижения умиротворенного состояния. Более того, в их сознании вода – главный источник жизни. Она хранит в себе вековую мудрость, ей чужды социальные условности, она дает жизнь всем без исключения, начиная от индейцев и заканчивая представителями нынешней цивилизации. Источники у Торо и Готорна несут в себе частицу той сверхдуши, которую видел в природе Эмерсон.

Можно сказать, что тема рая на земле рассматривается упомянутыми нами авторами в идентичном ключе. Для них этот рай заключался в природе, в ней они искали и находили гармонию, именно в любви к ней видели предназначение индивида. Различие между писателями состоит лишь в том, что Торо не видел необходимости доказывать свои убеждения путем создания вымышленных персонажей и ситуаций. Свою теорию он подтвердил собственной жизнью и увековечил в творчестве. Ирвинг и Готорн ввиду ряда причин не могли позволить себе такой опыт добровольного отшельничества, но их идеи во многом совпадали с идеями Торо.

Примечания

- ¹ См: The Penguin History of Literature // American Literature to 1900. Penguin: Harmondsworth, Middlesex, 1993; Проблемы истории литературы США. М., 1964; Романтические традиции американской литературы XIX века и современность. М., 1982; Литературная история США: В 3 т. М., 1977. Т. 1.
- ² *Thoreau H. D. Walden: or, Life in the Wood*//The Harper American Literature: Harper Collins College Publishers, 1987. Vol. 1. Далее цитируется это издание с указанием страниц.
- ³ *Irving W. Faler / Сост. Ю.В. Ковалев. М., 1992.* Далее цитируется это издание с указанием страниц.
- ⁴ «Though many years have elapsed since I trod the drowsy shades of Sleepy Hollow, yet I question whether I should not still find the same trees and the same families, vegetating in its sheltered bosom». (*Ирвинг В. Легенда о Сонной*



- Лошине // Маска Красной Смерти. СПб., 1993. С. 66). Далее цитируется это издание с указанием страниц.
- ⁵ «Almost the same johnswort springs from the same perennial root in this pasture» (*Thoreau H. D.* Op. cit. P.1445).
- ⁶ *Торо Г.Д.* Уолден, или Жизнь в лесу. М., 1962. Далее цитируется это издание с указанием страниц.
- ⁷ «If ever I should wish for a retreat, wither I might steal from the world and its distractions, and dream quietly away the remnant of a troubled life, I know of none more promising than this little valley». (*Irwing W.* Op. cit. P. 65).
- ⁸ См: *Левинтон А.* Предисловие // *Готорн Н.* Новеллы. М.; Л., 1965. С.14.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Hawthorne N.* Rappaccini's Daughter // *Hawthorne N.* Selected Stories and Sketches, 1970. Далее цитируется это

- издание с указанием страниц; *Готорн Н.* Дочь Рапаччини // *Готорн Н.* Новеллы. М., 1965. Далее цитируется это издание с указанием страниц.
- ¹¹ «The water, however, continued to gush and sparkle into the sunbeams as cheerfully as ever. A little gurgling sound ascended to the young man's window, and made him feel as if the fountain were the immortal spirit that sung its song unceasingly and without heeding the vicissitudes around it, while one century embodied it marble and another scattered the perishable garniture on the soil» (*Hawthorne N.* Op. cit. P. 330).
- ¹² «Successive nations perchance have drank at, admired, and fathomed it, and passed away, and still its water is green and pellucid as ever. Not an intermitting spring» (*Thoreau H.D.* Op. cit. P. 1458).

УДК821.112.2.09–31+929 Мюллер

МОДАЛЬНОСТЬ ТРАВМЫ: ГОРОД В РОМАНЕ ГЕРТЫ МЮЛЛЕР «ПУТЕШЕСТВИЕ НА ОДНОЙ НОГЕ»

Д.С. Кабанова

Университет Иллинойса, Урбана-Шампейн, США
E-mail: dkabano2@uiuc.edu

На материале не переведенного на русский язык романа современной немецкой писательницы Герты Мюллер рассматриваются взаимоотношения между принципами репрезентации травмированного сознания и принципами репрезентации городского пространства в постмодернистском романе, обнаруживается их внутренняя взаимосвязь.

Ключевые слова: теория травмы, репрезентация пространства, «роман большого города», мимесис, Герта Мюллер, Анри Лефевр.

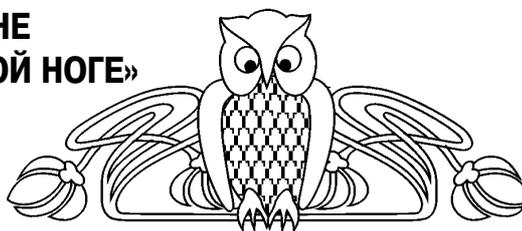
A Traumatic Modality: the City in Herta Müller's «Reisende auf einem Bein»

D.S. Kabanova

Herta Müller's *Reisende auf einem Bein* provides material for reflection on complex correlation between traumatic subjectivity and representation of urban space in postmodernist Großstadtroman. Bringing together post-Lacanian trauma theory and Henri Lefebvre's concept of space, the article argues that the fragmented city in *Reisende* is not only a textual manifestation of traumatic experience, but simultaneously a therapeutic reconstruction of the possibility of symbolizing trauma.

Key words: trauma theory, postmodern subjectivity, representation of urban space in the novel, Herta Müller, Henri Lefebvre.

...Определяют лик города Дзаиры отношения, связывающие пространственные измерения и события былых времен: к примеру, расстояние от земли до фонаря и ноги узурпатора, что был там вздернут; проволоку, протянутую от фонарного столба к ближайшему балкону, и гирлянды, украшающие путь, которым следовал кортеж в день бракосочетания королевы; расположение водостока и исполненное важности движение по



нему kota, что прошмыгнул в окно за упомянутым балконом; траекторию снаряда канонерки, вынырнувшей из-за мыса, и ядро, ударившее в водосточную трубу; дырявые рыбацьи сети и трех стариков, что, починяя их на молу, рассказывают в сотый раз про канонерку узурпатора, который был как будто бы побочным сыном королевы, в пленках брошенным на этом же молу.

Итало Кальвино. Незримые города

Оформление в 1990-е гг. теории травмы как самостоятельного направления в гуманитарном знании опиралось на знаменитое высказывание Жака Лакана о необходимости возвращения к Фрейду: «смысл возвращения к Фрейду есть возвращение к фрейдовскому смыслу»¹. Эта намеренно «темная» формула стимулировала новую волну интереса к текстам Фрейда, которые были изрядно скомпрометированы критикой со стороны разных дисциплин, накопившейся с момента смерти основателя психоанализа. Позже Лакан будет доказывать применимость своего обновленного варианта фрейдизма не только к индивидуальному, но и к коллективному; теория травмы стала местом встречи Лакана, Фрейда и постмодернистского жизненного опыта, провозгласившего себя травматичным по определению. Интерес к теории травмы для западных ученых² состоял еще и в том, что этот раздел критической теории позволял преодолеть методологическую неопределенность постмодернизма, недостаток действенного начала в нем, поскольку теория травмы не ограничивается описанием механизмов действия исторической травмы. Теория травмы пропитана изначальным клиническим пафосом